

Т.А. Яковлева

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ НИКИФОРОВ И ЕГО «НОМО ECONOMICUS»

Общеизвестной и горячо любимой экономистами модели «homo economicus» практически всегда отводится почетное место в любом учебнике по экономической теории. «Экономический человек» как модель поведения человека в экономической сфере являлся объектом пристального внимания экономистов не только в разные столетия, но и в разных научно-экономических школах и направлениях. Начиная с работ А. Смита в XVIII в., в которых заметно уже первое, но пока еще недостаточное внимание экономиста к предпосылкам модели «экономического человека»¹, в последующих работах и исследованиях многих других авторов, стремление к поиску предпосылок или условий модели «экономического человека» не только в экономической сфере, но в разных сферах общественной жизни, становится все более настойчивым, вовлекая в ряды исследователей столь популярной модели не только экономистов, но и социологов, философов и в значительно меньшей степени, историков. Хотя, заметим, что исторический подход к данной модели определил бы многие исходные условия и предпосылки формирования «экономического человека».

Многообразие человеческой личности и разнообразные мотивы ее деятельности во многом определяют использование при научном анализе экономической жизни какое-то модельное построение человека, действующего в конкретной исторической среде. Такая модель включает в себя не только индивидуальные мотивы экономической активности, но и особенности интеллектуальных и физических возможностей человека. Индивидуальные способности проявляются в конкретной среде, не только географической и биологической, но и исторической, пространственно-временной. Историческая среда формиру-

¹ Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб., 1998. С. 67.

вания модели «экономического человека» являлась объектом научного исследования гораздо реже, чем собственно построение и изучение этой модели в абстрактном мире экономической деятельности вообще. Экономическая теория выделяла в человеке главным образом то, что отвечало задаче объяснения экономического поведения людей в различных хозяйственных системах, часто в условиях ограниченности ресурсов при неумерном росте потребностей.

Такой образ «человека экономического», или «*homo economicus*», долго страдал определенной односторонностью, пока в XIX в. ученые не обратились к объяснению значения психологических и социальных факторов в мотивации экономической деятельности. На рубеже XIX–XX вв. образ «экономического человека» в экономической науке начинает соседствовать с образом «социологического человека» в социологии. О различии этих образов написано много, но крайне ограничен объем исследований, где есть сравнения этих двух моделей. Теоретики наделяли свои модели экономического и социологического человека способностями, которые возможны лишь в мире равновесном и стабильном², но в мире, изменяющемся постоянно, в реальной истории, очевидно, все эти образы или модели теряют многие свои признаки и становятся несостоятельными.

Историческая реальность нестабильна и не равновесна, вовлечение жесткой и инертной теоретической модели «экономического человека» в живую ткань истории потребует от исследователя невероятных усилий в оперировании не только энциклопедическими знаниями при сравнении и анализе многочисленных факторов исторического развития, но и, возможно, разработки совершенно иных теоретических моделей-разновидностей самого «экономического человека».

Анализ же экономического поведения людей только в рамках модели «*homo economicus*» предполагает использование азбучной истины о рациональном поведении человека, когда личность получает максимальный результат при минимальных затратах в условиях ограниченности используемых возможнос-

² Вайзе П. *Homo economicus* и *homo sociologicus*: монстры социальных наук // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 115–130.

тей и ресурсов. Но этот анализ экономического поведения человека постоянно затрудняется величайшим множеством неэкономических компонентов в мотивации его деятельности, значение и вес таких компонентов только возрастает по мере развития и усложнения жизни человеческого общества. В результате таких размышлений можно предположить, что нормальный историк вряд ли возьмется за тяжкий и неблагодарный труд (поскольку активных критиков-экономистов всегда в избытке) «исторического анализа» «экономического человека». Такими историками могли бы стать только те, кто стоял у истоков экономической истории, когда эта молодая наука боролась с многочисленными теоретическими и методологическими соблазнами и со стороны чистой истории, и со стороны экономической теории.

Вероятно, появление статьи «Номо economicus» в харбинский период деятельности русского историка Николая Ивановича Никифорова, во многом соответствует именно такой ситуации.

Биография и научная деятельность Н.И. Никифорова исследована недостаточно. Отечественной историографии еще предстоит оценить действительный вклад профессора Никифорова в развитие русской исторической науки.

Родился Николай Иванович Никифоров в 1886 г. в Киевской губернии. После окончания университета Св. Владимира в 1910 г. был оставлен в нем для подготовки к профессорскому званию, в 1914 г. сдал магистерские испытания и получил звание приват-доцента, до 1917 г. работал в этом университете. Известными работами этого периода стали «Освобождение крестьян от крепостной зависимости (1861–1911)», изданная в Киеве в 1911 г., а также «Сеньориальные повинности по наказам Этампского бальяжа 1789 г.», часть которой была удостоена золотой медали — награды университета Св. Владимира. В эти годы сформировался интерес Н.И. Никифорова к историко-экономической проблематике.

А дальше начался путь в эмиграцию, пролежавший через провинциальные сибирские учебные заведения, где, несмотря на непродолжительность пребывания, появлялись новые исследования и публикации, учебные курсы. В 1917–1919 гг. Никифоров состоял профессором Омского политехнического института по кафедре всеобщей истории, а в 1920–1921 гг. являлся профессором Иркут-

ского государственного университета³. В 1921–1922 гг. Никифоров состоял профессором государственного Дальневосточного университета также по кафедре всеобщей истории.

Оказавшись в Харбине, Н.И. Никифоров с января 1922 г. исполнял должность профессора Юридического факультета по кафедре истории русского права. В 1928 г. защитил диссертацию по теме «Сеньориальный режим во Франции в исходе Старого порядка» на степень магистра всеобщей истории в Испытательной комиссии при русской академической группе в Праге. С 1930 г. он возглавил юридический факультет в Харбине. После вступления в Маньчжурию советских войск ученый был репатриирован в СССР и репрессирован. Точная дата смерти неизвестна.

В годы харбинской эмиграции наблюдается постоянное обращение Н.И. Никифорова в своих научных публикациях к темам, раскрывающим историю через взаимосвязь с другими общественными науками, что способствовало развитию целого направления историко-экономических сюжетов. Можно указать на такие его статьи, как: «Мнемоника в эпоху Возрождения» (студенческая газета «К свету» педагогического института в Харбине, 1926 г.); «Солнце и история» по поводу книги А.А. Чижевского «Физические факторы исторического процесса» (газета «Русское слово», 1929 г.); «Эмоциональные основы цивилизации» (журнал «Аврора», 1930 г.); «Человеческая экология» (однодневная газета «Инвалид», 1930 г.); а также переводы с английского книг Л. Стоддарда «Бунт против цивилизации» и Ф.Г. Хэнкинса «Биологические факторы социальной жизни» (Харбин 1930–1931 гг.).

Статья «Номо есоnотісис» была опубликована в журнале «Известия Юридического факультета» в Харбине в 1931 г. Ее содержание заметно отличается от многих других глубиной познаний автора в области не только истории, но и географии, социологии, биологии, расовой теории, религиозной культуры и экономической теории. Об этом свидетельствуют ссылки на многочисленные

³ Майдачевский Д.Я. Их путь в изгнание лежал через Иркутск. К истории русской научной эмиграции в Харбине // Восток и Россия: взгляд из Сибири. Материалы и тезисы докладов к научно-практической конференции. Иркутск. 1996. С. 388–391; Он же. История хозяйственного быта в Иркутском государственном университете: 1920-е годы // История вузов России: матер. шестой Всероссийск. заочн. науч. конф. СПб., 1997. С. 66–68.

современные ему зарубежные издания, сохраненные в нашей публикации, поскольку они представляют самостоятельную ценность — труды или имена ряда ученых уже основательно подзабыты современными общественными науками.

В начале статьи Н.И. Никифоров проводит тщательный анализ модели «экономического человека» с позиций достижений всех социологических и экономических теорий современности, затем он предлагает свой вариант формирования модели «экономического человека», но уже в живой истории, начиная с истории Древнего Рима, завершая свои наблюдения рассуждениями о различиях количественной и качественной цивилизаций. Статья не потеряла своей привлекательности для современной историко-экономической науки, поскольку содержит компоненты сложного синтеза истории, религиозной социологии и экономической теории, предлагая столь редкий в наши дни действительно исторический анализ «экономического человека».

Публикуемый текст снабжен нами, там, где это было целесообразно и возможно, минимальным комментарием.